

Сочиненія Пушкина. *Седьмой, дополнительный томъ.*
Изданіе П. В. Анненкова. *Спб. 1857 г.*

«...Мы почитаемъ себя счастливыми, сказалъ Пушкинъ (въ примѣчаніи къ отрывку изъ рукописи Карамзина: «О древней и новой Россіи»), имѣя возможность представить нашимъ читателямъ хотя отрывокъ изъ драгоценной рукописи. Они услышатъ если не полную рѣчь великаго нашего соотечественника, то по крайней мѣрѣ звуки его умолкнувшаго голоса».

Нѣсколько разъ потомъ подобныя слова сопровождали опубликованіе неизданныхъ произведеній другихъ нашихъ великихъ поэтовъ, голоса которыхъ также умолкли, и публика всегда принимала ихъ съ живымъ участіемъ и благодарностію къ тѣмъ, кто доставлялъ ей случай еще разъ услышать любимые и, по одному уже имени, симпатичные звуки. Но ни одинъ изъ этихъ умолкнувшихъ голосовъ, когда онъ снова, изрѣдко, раздается, не встрѣчаетъ, конечно, такого жаднаго любопытства, такого благоговѣйнаго вниманія, какъ голосъ Пушкина, и ни одинъ издатель не можетъ съ большею истинностію примѣнить вышесказанныхъ поэтическихъ словъ его, обратившихся уже теперь въ обыкновенную риторическую фразу. Въ отношеніи пѣвца «Бахчисарайскаго фонтана» слова эти перестаютъ быть метафорою: голосъ Пушкина, пушкинскіе звуки — это почти тоже, что голосъ Рубини, россинивскіе звуки. Съ другой стороны, то, что сказалось въ этой музыкальной рѣчи, даетъ нашему великому поэту завидное право и на имя великаго соотечественника. Народная слава Пушкина давно уже (прежде, чѣмъ критическая оцѣнка его произведеній сдѣлалась возможною) достигла своего апогея: она была быстрымъ результатомъ тѣхъ непосредственныхъ впечатлѣній, которыя производили на публику его произведенія при ихъ появленіи въ свѣтъ. И теперь, по мѣрѣ того, какъ поколѣнія, возрастающая и научаясь грамотѣ, вступаютъ въ кругъ читателей, любовь къ Пушкину и его слава увеличиваются и упрочиваются сами собою. Критика мало прибавила и прибавитъ къ этой *живой* на-

Т. СХLVII. — Отд. V. 1

родной славѣ. Самыя глубокія ея положенія, ведущія читателей къ сознательному наслажденію изящнымъ и опредѣляющія важность заслуги писателя, не усилятъ блеска, окружающаго имя Пушкина. Безъ ея помощи онъ занялъ уже отчасти и со временемъ (по мѣрѣ распространенія просвѣщенія или даже, просто, грамотности) вполне займетъ то мѣсто, которое досталось Шиллеру въ Германіи, Беранже—во Франціи. Такова завидная участь и несомнѣнный признакъ постовъ народныхъ въ полномъ смыслѣ этого слова!..

Приступая къ обзору послѣдняго тома «Сочиненій Пушкина», мы начали съ мысли о народномъ значеніи нашего любимѣйшаго поэта, для того, чтобы во пмя чистыхъ и непосредственныхъ наслажденій, которыя образуютъ столь многочисленный и постоянно увеличивающійся кругъ его поклонниковъ и дѣлаютъ его народнымъ, поблагодарить издателя за оконченный имъ нѣпн трудъ. Въ этомъ изданіи была такая настоящая и столь долго неудовлетворявшаяся потребность, что нельзя не благодарить того, кто удовлетворилъ ей, и при томъ такъ умно и добросовѣстно. Эти послѣднія достоинства составляютъ, впрочемъ, особую заслугу г. Анненкова и вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ ему право на особую благодарность.

Такое право издателя вездѣ пріобрѣтаютъ рѣдко, а у насъ оно представляетъ едва ли не единственный примѣръ.

Заслуга г. Анненкова состоитъ въ библиографическомъ и критическомъ трудѣ, который онъ приложилъ къ своему изданію, и въ системѣ, по которой оно сдѣлано. Эта заслуга, можетъ быть, еще не вполне оцѣнена и требуетъ подробнаго критическаго разбора. Мы не намѣрены теперь входить въ подобный разборъ, но, говоря о вновь вышедшемъ, послѣднемъ томѣ изданія «Сочиненія Пушкина», считаемъ необходимымъ обратить вниманіе читателей на глубокообдуманый трудъ издателя, безъ чего большая часть пьесъ, составляющихъ этотъ томъ, теряютъ самое важное свое значеніе: какъ ни понятно чувство, возбуждаемое даже слабыми «звуками умолкнувшаго голоса» великаго пѣвца, но одно только это сантиментальное чувство бесплодно. Въ трудѣ г. Анненкова превосходно опредѣлено и на дѣлѣ доказано, какое важное значеніе могутъ имѣть отрывистыя, недоконченныя и еще слабыя произведенія великаго писателя въ дѣлѣ искусства, въ изученіи законовъ творчества и самаго его процесса.

Г. Анненковъ, въ «Матеріалахъ для біографіи А. С. Пушкина» (помѣщенныхъ въ первомъ томѣ), съ искусствомъ тонкаго аналитика и напряженнымъ вниманіемъ ученаго наблюдателя, слѣдитъ за постепеннымъ развитіемъ творческихъ силъ Пушкина. Онъ вводитъ васъ въ мастерскую художника и старается посвятить въ тайны его творческой производительности. Трудъ его, названный имъ «Матеріалами для біографіи», прежде всего есть исторія созданія произведеній нашего великаго поэта. Не позволяя себѣ ни одного, хоть сколько нибудь гадательнаго, положенія и основываясь вездѣ на тщательномъ изученіи предмета, на фактахъ и самой строгой, ученой ихъ повѣркѣ, онъ скупъ на выводы и приговоры, но за то выведенныя имъ положенія драгоцѣнны, какъ твердыя и точныя опредѣленія науки. Въ его эстетическихъ изслѣдованіяхъ о Пушкинѣ заключается зерно будущей полной эстетической оцѣнки произведеній творца «Бориса Годунова».

До сихъ поръ наша критика, при всей чистотѣ стремленій и талантливости ея главныхъ представителей, отличается именно недостаткомъ точности и опредѣленности положеній. Она руководствуется личными соображеніями (обличающими часто рѣдкій эстетическій вкусъ, остроуміе и глубокомысліе), а не изслѣдованіями и наукой. Въ настоящее же время, въ критику нашей, къ произволу гадательныхъ сужденій присоединяется еще равнодушіе къ существеннымъ вопросамъ, подлежащимъ ея разрѣшенію, и усердіе къ разрѣшенію вопросовъ, постороннихъ или второстепенныхъ въ дѣлѣ искусства. Такимъ образомъ, не заключаая въ себѣ внутреннихъ силъ—знанія, науки, и нерепесенная на чуждую ей почву, она чахнетъ и все болѣе и болѣе теряетъ значеніе.

Критическая дѣятельность П. В. Анненкова представляетъ въ этомъ отношеніи рѣдкое и пріятное исключеніе. Она имѣетъ преимущественно характеръ изслѣдовацій, но изслѣдовацій, основанныхъ, какъ мы сказали, на тщательномъ изученіи предмета, на неуклонномъ стремленіи къ разрѣшенію существенныхъ въ искусствѣ вопросовъ, на строгихъ и точныхъ опредѣленіяхъ науки. Нельзя не уважать этой скромной, но трудной и прочной критической дѣятельности, которая, при всей ея *неэффективности*, становится все болѣе и болѣе замѣтною. Замѣтною для всѣхъ тѣхъ, кто смотритъ на критику эстетическихъ произведеній съ серьезной стороны; кто желаетъ видѣть въ ней не

одни краснорѣчивыя тирады или остроумныя замѣтки о разныхъ предметахъ, по поводу эстетическихъ произведеній; кто ищетъ въ ней результатовъ изслѣдованій, обдуманыхъ и неуклоняющихся (для потѣхи публики или въ видахъ ея назиданія чему бы то ни было) отъ главнаго предмета.

Современная критика слишкомъ много заботится объ удовольствіи или матеріальной пользѣ публики. Все рѣже и рѣже встрѣчаются статьи, въ которыхъ обнаруживалась бы, если не полная подготовка къ разрѣшенію эстетическихъ и литературныхъ вопросовъ, то по крайней мѣрѣ искреннее и добросовѣстное къ тому стремленіе. Самое слово: *эстетическая критика* возбуждаетъ почти насмѣшку. Пустышная критическая болтовня о предметахъ, съ которыми образованный челоѣкъ знакомится на школьной скамьѣ, проходитъ спокойно и даже часто съ эффектомъ. Тоже бываетъ и съ циническими выходками завистливой бездарности, разрѣшающейся, обыкновенно, *мелкой* критической дѣятельностію, т. е. грубыми нападками и придирами. Между тѣмъ, всякая критическая попытка во имя чистаго искусства, при нѣкоторой слабости, подвергается гоненію, какъ позорный поступокъ. Очень часто произведенія даже лучшихъ нашихъ писателей остаются безъ своевременной и надлежащей эстетической оцѣнки: за недосугомъ талантливой критики, занимающейся, какъ мы сказали, рѣшеніемъ разныхъ постороннихъ вопросовъ, они дѣлаются добычей площадной оцѣнки *мелкой* критики, завистливой или тупой. Слѣдуетъ, кажется, обратить вниманіе на то, что литературныя обстоятельства измѣнились, что кругъ литературной дѣятельности замѣтно увеличивается, что въ этотъ кругъ входятъ новые дѣятели, незнакомые ни съ литературнымъ преданіемъ, ни съ дѣйствительными условіями, въ которыхъ находится наша умственная дѣятельность, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, единство литературныхъ мнѣній должно все болѣе и болѣе разрушаться, и что прежній способъ рѣшать вопросы домашнимъ образомъ, дѣйствовать сообща и представлять публикѣ одни только результаты своихъ домашнихъ соображеній, одни только бездоказательные приговоры—становится невозможнымъ. Чтобы имѣть весь въ глазахъ публики, современная критика болѣе, чѣмъ когда нибудь, должна обнаружить прямое и рѣшительное участіе къ эстетическимъ вопросамъ и основывать свои приговоры на тщательныхъ изслѣдованіяхъ и положеніяхъ науки.

Критическая дѣятельность г. Анненкова стремится удовлетворить этимъ требованіямъ и потому заслуживаетъ полного уваженія и вниманія. Ознакомясь ближайшимъ образомъ съ трудомъ издателя-критика и руководствуясь его указаніями, читатель найдетъ въ отрывкахъ и дополненіяхъ, собранныхъ въ послѣднемъ томѣ «Сочиненій Пушкина», рядъ полезныхъ уроковъ и обильную пищу для ума и эстетическихъ соображеній.

Седьмой и послѣдній томъ настоящаго изданія содержитъ въ себѣ нѣсколько пьесъ Пушкина, не бывшихъ еще въ печати, нѣсколько произведеній, уже опубликованныхъ прежде, и дополненія къ статьямъ и стихотвореніямъ, вышедшимъ въ свѣтъ при его жизни. «Мы имѣли, говоритъ издатель, намѣреніе собрать все, что ходитъ еще по рукамъ изъ записокъ, посланій, экспромтовъ поэта и можетъ быть сообщено публикѣ, но усилія наши не вполне увѣнчались успѣхомъ. Правда, мы приобрѣли убѣжденіе, что количество и качество остающихся еще отрывковъ ни въ какомъ случаѣ не должно быть велико, но сознаемся, что читатель можетъ еще встрѣтиться и послѣ нашего изданія съ посланіемъ, экспромтомъ или стихотворной запиской поэта, тщательно сбереженными отъ извѣстности. Скажемъ однако же здѣсь, что всякое изданіе классическаго писателя должно соответствовать времени своего выхода и потому неизбѣжно имѣетъ своего рода ограниченія и условія: задача изданія состоитъ въ томъ, чтобы не быть ниже потребностей и возможностей современности....»

Всякій, кто знакомъ съ изданіемъ г. Анненкова, согласится, что оно никакъ не ниже потребностей и возможности современности. Послѣдній томъ убѣждаетъ въ этомъ еще болѣе.

Произведенія, вошедшія въ эту книгу, размѣщены въ хронологическомъ порядкѣ, указывающемъ настоящія ихъ мѣста въ изданіи 1855 г., на которое при томъ сдѣланы всѣ необходимыя ссылки. Въ концѣ книги приложены подробнѣе алфавитные указатели ко всемъ стихотвореніямъ и статьямъ Пушкина, заключающимся въ семи томахъ настоящаго изданія, а также и указатель къ «Матеріаламъ для біографіи» поэта, помѣщеннымъ въ 1 томѣ.

Прежде всего мы приведемъ нѣсколько пьесъ и отрывковъ, составляющихъ драгоцѣнное украшеніе вновь вышедшаго тома. Читатели, неимѣющіе еще его въ рукахъ, вѣроятно, будутъ намъ за это благодарны. Начнемъ съ отрывка, взятаго изъ

тетрадей поэта 1830—1831 г. По свидетельству г. Анненкова, эта пьеса не докончена; а между тѣмъ чего, кажется, еще недостаетъ для полноты этого поэтическаго выраженія идеальнаго порыва души: этой жажды возрожденія, являющейся отъ прикосновенія молодаго и свѣжаго чувства къ увядающей душѣ? Вотъ этотъ отрывокъ:

Когда въ объятія мои
Твой стройный станъ я заключаю,
И рѣчи нѣжныя любви
Тебѣ съ восторгомъ расточаю—
Безмолвно отъ стѣсненныхъ рукъ
Освобождая станъ свой гибкій,
Ты отвѣчасшь, милый другъ,
Мнѣ недоувѣрчивой улыбкой.
Прилежно въ памяти храня
Измѣнъ печальныя преданья,
Ты безъ участя и вниманья—
Уныло слушаешь меня.
Кляню коварныя старанья
Преступной юности моей,
И встрѣчь условныхъ ожиданья
Въ садахъ, въ безмолвіи ночей;
Кляню рѣчей любовный шопотъ,
И струвъ таинственныхъ напѣвъ,
И ласки легковѣрныхъ дѣвъ,
И слезы ихъ, и поздній ропотъ...

Слѣдующее стихотвореніе («Аріонъ 1830 г.»), кромѣ обольстительной красоты пластическихъ образовъ, которые придаютъ ему видъ какъ будто бы барельефа, кромѣ мелодіи почти музыкальной, кромѣ лирическаго чувства таинственной грусти, возбуждаетъ еще рядъ идей по своей аналогіи съ событіями, которыя представляетъ исторія почти каждаго общества:

Нашъ было много на челнѣ:
Иные парусъ напрягали,
Другіе дружно упирали
Въ глубь мощныя весла. Въ тишинѣ
На руль склоняся, нашъ кормщикъ умный
Въ молчаньи правилъ грузный чолпъ;
А я—безпечной вѣры полкъ—
Пловцамъ я пѣлъ... Вдругъ лоно волнъ
Измялъ съ налету вихоръ шумный...
Погибъ и кормщикъ и пловецъ!
Лишь я, таинственный пѣвецъ,

На берег выброшенъ грозою,
 Я гимны прежніе пою
 И ризу влажную мою
 Сушу на солнцѣ подъ скалою.

Стихотвореніе: «Когда за городомъ задумчивъ я брожу» — изумительно по разнообразію красокъ, по противоположности образовъ, которые, затронувъ два различныхъ мотива духа, сливаются въ одно поэтическое представленіе, образуютъ одно цельное и ясное чувство. Само по себѣ это чувство очень просто, но путь, которымъ поэтъ приводитъ къ нему изумительнъ:

Когда за городомъ задумчивъ я брожу
 И на публичное кладбище захожу—
 Рѣшетки, столбики, нарядныя гробницы,
 Подъ коими гніють всѣ мертвецы столицы,
 Въ болотѣ кое-какъ стѣсненные кругомъ,
 Какъ гости жадные за нищенскимъ столомъ;
 Кушцовъ, чиновниковъ усопшихъ мавзолеи,
 (Дешеваго рѣзца нелѣпая затѣя!)
 Надъ ними надписи и въ прозѣ и въ стихахъ
 О добродѣтеляхъ, о службѣ, о чинахъ;
 По старомъ рогачѣ вдовицы плачъ амурный,
 Ворами со столбовъ отвинченныя урны,
 Могилы склизкія, зѣвающія тутъ,
 Которыя жильцовъ къ себѣ на утро ждуть—
 Такія смутныя мнѣ мысли все наводитъ,
 Что злое на меня уныніе находитъ,
 Хоть плюнуть да бѣжать.

Но какъ же люблю мнѣ
 Осеннею порой, въ вечерней тишинѣ,
 Въ деревнѣ посѣщать кладбище родовое,
 Гдѣ дремлютъ мертвые въ торжественномъ покоѣ:
 Тамъ неукрашеннымъ могиламъ есть просторъ!
 Къ нимъ ночью темною не лезетъ блѣдный воръ.
 Близъ камней вѣковыхъ, покрытыхъ желтымъ мохомъ,
 Проходитъ селянинъ съ молитвой и со вздохомъ;
 На мѣсто праздныхъ урнъ и мелкихъ пирамидъ,
 Безносыхъ геніевъ, растрепанныхъ харитъ
 Стоитъ широкій дубъ надъ важными гробами
 Колебаясь и шумя...

(14-го марта 1836 года).

Въ этихъ двухъ картинахъ исчерпана поэзія кладбища: съ идеальной и отрицательной стороны. Рядъ образовъ, возмущающихъ душу до желчи нелѣпностью, пугающихъ воображеніе голлою дѣйствительностію, переходитъ въ картину, тихая и вели-

чаявая красота которой успокоиваетъ и нѣжитъ. Крайняя дѣйствительность съ ея отрицаніемъ и идеалъ поставлены здѣсь лицомъ къ лицу и находятъ равно поэтическое выраженіе... Поэзія представляетъ мало примѣровъ такого гармоническаго сочетанія совершенно противоположныхъ началъ: оно требуетъ отъ поэта великихъ творческихъ силъ и полного обладанія ими. Неувядающая прелесть и новизна такихъ произведеній, какъ Фаустъ или Гамлетъ, заключается именно въ глубокомъ сочетаніи этихъ двухъ главныхъ и противоположныхъ мотивовъ нашего духа. Не даромъ Пушкинъ рѣшился на попытку создать «новую сцену изъ Фауста»: какъ ни легка эта сцена, но въ ней повторяется одинъ изъ самыхъ поэтическихъ мотивовъ Фауста, тотъ мотивъ, который образуется изъ сочетанія рвчей Мефистофеля, полныхъ отрицанія, съ рвчами Фауста, исполненными идеальныхъ стремленій. Не даромъ также могъ Пушкинъ написать слѣдующее стихотвореніе на тему изъ Гамлета (Мысль этого стихотворенія парадоксъ, но чувство, въ которое облечена эта мысль, придаетъ ему глубокую истинность шекспировскихъ парадоксовъ):

Не дорого цѣню я громкія права,
 Отъ коихъ не одна кружится голова.
 Я не ропщу о томъ, что отказали Боги
 Мнѣ въ сладкой участи оспаривать налоги,
 .....
 Все это, видитель—*слова, слова, слова!* *
 Иныя, лучшія мнѣ дороги права;
 Иная, лучшая потребна мнѣ свобода...
 . . . . . Ни кому
 Отчета не давать; себѣ лишь одному
 Служить и угождать . . . . .
 Не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни шеи;
 По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ,
 Дивясь божественнымъ природы красотамъ,
 И предъ созданьями искусствъ и вдохновенья
 Безмолвно утопать въ восторгахъ умиленья —
 Вотъ счастье! вотъ права!..

Закончимъ выписки изъ стихотвореній еще двумя пьесами:

Стансы (1826 г.)

Нѣтъ, я не льстець, когда Царю
 Хвалу свободную слагаю:
 Я смѣло чувства выражаю,
 Языкомъ сердца говорю.

* Hamlet Пр. Пушкина.

Его я просто полюбилъ:
Онъ бодро, честно править нами!
Россію вдругъ онъ оживилъ
Войной, надеждами, трудами.

О нѣтъ, хоть юность въ немъ кипить,
Но не жестокъ въ немъ духъ державный:
Тому, кого караетъ явно,
Онъ въ тайнѣ милости творить.

Текла въ изгнаньи жизнь моя,
Влачилъ я съ милыми разлуку,
Но онъ мнѣ царственную руку
Подаль—и съ вами снова я.

Во мнѣ почтилъ онъ вдохновенье,
Освободилъ онъ мысль мою,
И я-ль, въ сердечномъ умиленьи,
Его хвалой не воспою?

Я льстецъ! нѣтъ, братья, льстецъ лукавъ:
Онъ горе на Царя накличетъ,
Онъ изъ его державныхъ правъ
Одну лишь милость ограничить.

Онъ скажетъ: презирай народъ,
Гнети природы голосъ нѣжный!
Онъ скажетъ: просвѣщенья плодъ—
Страстей и воли духъ мятежный!

Бѣда странѣ гдѣ рабъ и льстецъ,
Одни приближены къ Престолу,
А небомъ избранный пѣвецъ
Молчить, потушивъ очи долу.

«Цыганы» (1824 г.)

Блѣдна, слаба—Земфира дремлетъ;
Алеко съ радостью въ очахъ
Младенца держитъ на рукахъ
И крику жизни жадно внемлетъ:

«Прими привѣтъ сердечный мой,
Дитя любви, дитя природы,
И съ даромъ жизни дорогой
Неоцѣненный даръ свободы.

«Останься по среди степей:
Безмолвны здѣсь предразсужденья —
И нѣтъ ихъ раннего гоненья
Надъ дикой люлькою твоей.

«Рости на волѣ безъ уроковъ,

Не знай стѣснительныхъ палатъ
И не мѣняй простыхъ пороковъ.
На образованный развратъ.

«Подъ сѣнью мирнаго забвенья
Пушкой цыгана бѣдный внукъ
Не знаетъ нѣгъ и пресыщенья
И пышной суеты наукъ...»

»Нѣтъ, не преклонишь ты колѣнъ
Предъ идоломъ безумной чести,
Не будешь жертвой злыхъ измѣнъ,
Трепещи тайно жаждой, мести.

«О Боже! Если бъ мать моя
Меня родила въ чащѣ лѣса,
Или подъ юртой Остяка
Въ глухой разсылинѣ утеса...»

Приведенныя нами пьесы составляютъ, какъ мы сказали, драгоценное украшеніе послѣдняго тома настоящаго изданія, но кромѣ ихъ есть еще нѣсколько другихъ, въ стихахъ и прозѣ, уступающихъ имъ въ достоинствахъ, но все-таки прекрасныхъ и имѣющихъ самостоятельное поэтическое или литературное значеніе. Имѣя въ виду ограничиться по возможности краткимъ обзоромъ, мы остановимся только на тѣхъ изъ нихъ, которыя въ первый разъ явились въ печать и особенно замѣчательны.

Прозаическія статьи, вошедшія въ составъ VII тома, раздѣлены на три отдѣла: историческій, полемическій и чисто литературный. Въ первомъ отдѣлѣ помѣщены: «матеріалы для первой главы исторіи Петра Великаго», «камчатскія дѣла (сводъ сказаній о завосваніи Камчатки, взятыхъ изъ извѣстной книги Крашенинникова) и біографическая статья: «Александръ Радищевъ.» Въ бібліографическихъ и критическихъ замѣткахъ, сопровождающихъ каждый отдѣлъ изданія, г. Анненковъ предупреждаетъ тѣ вопросы, которые рождаются въ читателѣ при первомъ взглядѣ на означенныя статьи, и опредѣляетъ ихъ значеніе. Первые двѣ даютъ понятіе о методѣ, принятой Пушкинымъ для историческихъ своихъ работъ и могутъ составить матеріалъ для критическаго изслѣдованія, послѣдняя же, какъ исторически критическій этюдъ, представляетъ образецъ изящества. По справедливому замѣчанію издателя-критика, она есть плодъ того зрѣлаго, здраваго и проницательнаго критическаго такта, который отличалъ сужденія Пушкина о людяхъ и предметахъ не задолго до его смерти. Больше шестидесяти лѣтъ (говорить

г. Ашпенковъ) протекло послѣ единственнаго примѣра *пре-ступленія печати* въ Россіи, совершеннаго Радищевымъ, и Пушкинъ въ своей статьѣ показываетъ, что никакія благія намеренія не могутъ оправдать нарушенія узаконенныхъ постановленій и никакія злоупотребленія, столь неизбежныя въ каждомъ человѣческомъ обществѣ, не могутъ извинить словъ гнѣва и враждебныхъ страстей. Для борьбы съ недостатками и пороками Пушкинъ прежде всего требуетъ отъ cadaго дѣятеля *любви* и пребыванія въ границахъ закона, и это составляетъ высокую нравственную мысль его дѣльной и строгой статьи.

Въ статьѣ «матеріалы для біографіи А. С. Пушкина», г. Анненковъ только слегка касается нравственнаго развитія нашего великаго поэта. Понятно, что предметъ этотъ требовалъ крайней осторожности, да и самыя матеріалы, находившіяся у него подъ рукой, если это были только произведенія поэта, не представляли къ тому надлежащихъ данныхъ. Жизнь и личность Пушкина, какъ чловѣка, до сихъ поръ намъ слишкомъ еще мало извѣстны, и, вѣроятно, еще не скоро будутъ доступны для полной оцѣнки уже потому, что слишкомъ еще живы и горячи слѣды, ими оставленные. Для полнаго ихъ уразумѣнія и изображенія необходима и полная картина общественныхъ, нравственныхъ и умственныхъ интересовъ пушкинской эпохи. А много ли сдѣлано у насъ по этой части? Одни только очерки общества въ отношеніи его эстетическаго развитія, набросанные критикою при оцѣнкѣ литературной дѣятельности прошедшаго времени, слишкомъ недостаточны. Единственная, можетъ быть, да и то, очевидно, преждевременная попытка определить степень нравственнаго и умственнаго развитія этой еще близкой къ намъ но времени, но уже далекой по развитію эпохи, сдѣлано почти на дняхъ (критикомъ Современника» по поводу писемъ Гоголя). Но и она есть только плодъ остроумныхъ и тонкихъ соображеній смѣлаго и ретиваго мыслителя, не подкрѣпленныхъ надлежащими фактами.

Впрочемъ внимательное изученіе однихъ только произведеній Пушкина убѣждаетъ въ неосновательности того мнѣнія, что будто бы въ немъ нравственное развитіе не шло въ уровень съ развитіемъ эстетическимъ. Отсутствіе, въ его зрѣлой дѣятельности, *либерализма*, отличавшаго его юношескіе годы, не только не подтверждаетъ, а скорѣе опровергаетъ это мнѣніе. Что такое подобный либерализмъ? поклоненіе формамъ-безъ надле-

жащаго пониманія существа ихъ содержанія; стремленіе къ другому порядку вещей безъ истинной потребности въ тѣхъ вещахъ, для которыхъ онъ необходимъ; теоретическія мечты, дружно уживающіяся со всѣмъ, что имъ прямо противорѣчитъ въ жизни, въ практикѣ!... Что такое, напримѣръ, по современнымъ понятіямъ, нравственныя убѣжденія Чацкаго, недостатокъ котораго, въ художественномъ отношеніи, Пушкинъ такъ быстро и мягко опредѣлилъ, но слова котораго назвалъ бисеромъ, котораго не слѣдуетъ метать?.. Точно ли нравственный смыслъ этихъ словъ такой драгоценный бисеръ? кажется, нѣтъ...

По этому отсутствіе идеальнаго, но бесплоднаго и бессознательнаго направленія не составляетъ никакой потери для Пушкина въ нравственномъ отношеніи и, во всякомъ случаѣ, свидетельствуетъ о зрѣлости его развитія умственнаго. Въмѣстѣ съ полнымъ развитіемъ этого великаго и практическаго ума отпадаютъ отъ него и тѣ предрасудки, которые такъ хорошо уживаются съ незрѣлыми убѣжденіями, съ бессознательнымъ либерализмомъ. Мы видимъ подтверженіе этого въ чертѣ, указываемой г. Анненковымъ: «кто нѣсколько ближе вникалъ, говоритъ онъ, («матер. для біограф. А. С. Пушкина»), — въ характерѣ Пушкина, того не удивитъ мнѣніе, которое съ особенною настойчивостью долго онъ старался укоренить въ друзьяхъ и знакомыхъ, что онъ пишетъ и печатаетъ *единственно* для денегъ. Это увѣреніе, расточаемое упорно и съ какой-то претензіей, уже показывало тѣмъ самымъ не твердость своего основанія. Дѣло въ томъ, что оно, поясняется, съ одной стороны—теоріей творчества про самага себя, о которой недавно говорили, а съ другой—жизненнымъ противорѣчіемъ, въ которомъ долго находился нашъ поэтъ. Извѣстно, что онъ всего болѣе опасался, въ виду свѣта, своего настоящаго призванія и титула поэта. Обязанный лучшими минутами жизни уединенному кабинетному труду, онъ искалъ успѣховъ и торжествъ на другомъ поприщѣ и считалъ помѣхой все, что къ нему собственно не относилось. Увѣреніемъ, что пишетъ изъ расчета, какъ другой заводитъ фабрику или занимается агрономіей, старался онъ передъ свѣтомъ закрыть свое достоинство писателя, въ которомъ никакъ не хотѣлъ явиться передъ нимъ, хотя доброй частію своихъ успѣховъ обязанъ былъ именно блеску, сопровождающему необыкновенный талантъ. Только въ послѣднихъ годахъ своей жизни теряетъ онъ ложный стыдъ этотъ и является въ свѣтъ уже какъ писатель.

Важные труды, принятые имъ на себя, и знаменитость самого имени освобождаютъ его отъ предубѣжденія, отличавшаго его молодые годы. Въ эпоху, которой занимаемся, всякое смѣшеніе свѣтскаго челоуѣка съ писателемъ наносило ему глубокое оскорбленіе. Съ одушевленіемъ читаль онъ свои произведенія людямъ, занимающимся литературою, но когда въ одномъ, и весьма любимомъ имъ, домъ высшаго круга, просили его прочесть что-нибудь, онъ съ жаромъ и негодованіемъ прочелъ только-что написанное стихотвореніе: «Чернь», и говорилъ потомъ: «въ другой разъ не будутъ просить у меня стишковъ.» Это двойственное положеніе въ обществѣ превосходно выражено имъ самимъ въ томъ отрывкѣ, который, со многими другими, предшествовалъ созданію «Египетскихъ ночей.»

Съ сознаніемъ своихъ силъ и истиннаго достоинства, чувство *закононости*, столь свойственное гармонически развитымъ уму и душѣ, обнаруживается сильнѣе въ произведеніяхъ Пушкина и ясно выражается тамъ, гдѣ оно касается общественныхъ вопросовъ. Изъ его произведеній видно, что онъ всегда глубоко принималъ къ сердцу тѣ изъ нихъ, которыя имѣли непосредственную связь съ его назначеніемъ...

Въ VII томѣ помѣщены два посланія къ Аристарху, вѣроятно уже извѣстные многимъ изъ читателей. Приведемъ здѣсь только окончаніе втораго посланія, украшеннаго глубоко-поэтическимъ и неожиданнымъ обращеніемъ къ Шишкову — (Пусть читатели припомнятъ воспоминанія г. Аксакова о Шишковѣ: его мастерской очеркъ этого героя двѣнадцатаго года, простодушнаго ученаго, министра и друга просвѣщенія и вмѣстѣ съ тѣмъ наивнаго противника Карамзина, и тогда они увидятъ въ этомъ обращеніи одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ нравственной глубины симпатій нашего поэта):

Шишковъ уже наукъ правленье воспріялъ.
Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блещетъ средь народа
Священной памятью двѣнадцатаго года;
Одинъ среди вельможъ, онъ русскихъ музъ любилъ:
Ихъ, незамѣченныхъ, созвалъ, соединилъ;
Отъ хлада нашихъ лѣтъ сберегъ онъ лавръ единый
Осиротѣлаго вѣнца Екатерины!..

.....
И такъ я поспѣшилъ пріятелей поздравить,
А между тѣмъ совѣтъ на память имъ оставить.
Будь строгъ, но будь уменъ. Не просить отъ тебя,

Чтобъ всѣ законныя преграды истребя,
 Все мыслить, говорить, печатать безопасно
 Ты нашимъ господамъ позволилъ самовластно.
 Права свои храни по долгу своему;
 По скромной истинѣ, по мирному уму,
 И даже глупости невинной и невольной,
 Не заграждай пути заставой своевольной.
 И если ты въ пыодахъ досузаго добра,
 Порою не найдешь великаго добра,
 Когда не видишь въ нихъ безумнаго разврата,
 Престоловъ, алтарей и нравовъ сопостата,
 То славы автору желая отъ души,
 Махни, мой другъ, рукой и смѣло подпиши.

Тонъ шутки, необходимой уже для того, чтобъ умѣрить дидактическій характеръ мысли, высказанной въ этихъ стихахъ, — характеръ вовсе несвойственный такой живой и поэтической натурѣ, какъ Пушкинъ, — очевидно, не мѣшаетъ здѣсь силѣ нравственнаго убѣжденія. Въ эпоху своего полного развитія, въ статьѣ противу мнѣнія Лобанова о духѣ словесности, какъ иностранной, такъ и отечественной, Пушкинъ высказываетъ свое убѣжденіе о настоящемъ предметѣ рѣшительнѣе и прямѣе. Не смотря на умеренность тона, въ которомъ написана эта академическая статья, она ясно выражаетъ глубокое и заботливое участіе къ дѣлу умственнаго развитія. Съ неотразимой силой убѣжденія она опровергаетъ мнѣніе о гибельности западнаго вліянія на нашу литературу, тогда какъ еще такъ недавно одинъ изъ нашихъ журналовъ, желавшій встать въ главѣ умственнаго нашего движенія, разразился такой филиппикой противу этого вліянія.

Возраженіе Пушкина противу «Мнѣнія Лобанова» помѣщено во второмъ отдѣлѣ VII тома, гдѣ собраны статьи полемическаго содержанія, какъ назвалъ ихъ издатель. Дѣйствительно таковъ ихъ общій и главный характеръ. Но въ статьяхъ этихъ на ряду съ выходками, которыя при всей ихъ взятой остротѣ, имѣютъ все-таки видъ перебранки, попадаются драгоценнѣйшія замѣтки. Укажемъ, или, лучше сказать, напомнимъ читателямъ хоть слѣдующее мѣсто изъ первой статьи «Исторія Русскаго Народа»:

«Карамзинъ, говоритъ Пушкинъ, есть первый нашъ историкъ и послѣдній лѣтописецъ. Свою критикою онъ принадлежитъ исторіи, просто душѣмъ и апофеозами хроникѣ. Критика его состоитъ въ ученomъ сличеніи преданій, въ остроумномъ изысканіи истины, въ ясномъ и вѣрномъ

изображеніи событій. Пѣтъ ни единой эпохи, ни единого важнаго происше- ствія, которыя не были бы удовлетворительно развиты Карамзинымъ. Гдѣ разсказъ его не удовлетворителенъ, тамъ не доставало ему источниковъ: онъ ихъ не замѣлялъ свосвольными догадками. Правдивныя его размы- шленія, своею плоческою простотою, даютъ его повѣствованію всю не- изъяснимую прелесть древней лѣтописи. Онъ ихъ употребляетъ, какъ краски, но не полагаетъ въ нихъ никакой существенной важности. «Замѣтимъ, что сіи апофегмы», говоритъ онъ въ предисловіи, столь много критикованномъ и столь еще мало понятомъ, «бываютъ для основательныхъ «умовъ или полустигматъ, или весьма обыкновенными истинами, которыя «не имѣютъ большой цѣны въ исторіи, гдѣ ищемъ дѣйствія и характе- «ровъ». Не должно видѣть въ отдѣльныхъ размышленіяхъ насильственного направленія повѣствованія къ какой нибудь извѣстной цѣли. Историкъ, до- бросовѣстно разсказавъ происшествіе, выводитъ одно заключеніе, въ дру- гое, г. Полевой никакого: *вольному воля*, какъ говорили наши предки.

«Г. Полевой замѣчаетъ, что 5-я глава VII тома была еще не дописана Карамзинымъ, а начало ея, вмѣстѣ съ первыми четырьмя главами, было уже переписано и готово къ печати, и дѣлаетъ вопросъ: когда же думалъ историкъ?»

«На сіе отвѣствуемъ:

«Когда первые труды Карамзина были съ жадностью принимаемы пу- бликою, имъ образуемой, когда местный успѣхъ слѣдовалъ за каждымъ новымъ произведеніемъ его гармоническаго пера, тогда уже думалъ онъ объ Исторіи Россіи и мысленно обнималъ все будущее зданіе. Вѣроятно, что XII томъ не былъ еще имъ начатъ, а уже историкъ думалъ о той страницѣ, на которой смерть захватила послѣднюю его мысль... Г. Поле- вой, немного подумавъ, конечно самъ удивится своему легкомысленному вопросу.»

Такъ въ легкой и шуточной формѣ журнальнаго спора, среди смутныхъ еще понятій объ истинахъ исторіи и ея значеніи, Пуш- кинъ въ двухъ, трехъ словахъ опредѣляетъ высокую творческую сторону произведенія Карамзина.

Вообще было бы до крайности жалко и ошибочно, еслибы из- датель-критикъ не отказался отъ первоначальнаго намѣренія сво- его — исключить «полемическія» статьи изъ собранія сочиненій Пушкина, въ слѣдствіе личностей, которыя въ нихъ встрѣчают- ся. Такая деликатность и осторожность были бы щепетильно- стью, литературнымъ *pruderie*, особливо въ его изданіи. На- стоящее изданіе не есть изданіе простое, популярное: оно рас- положено по строгому, критически-обдуманному плану, и удо- влетворяетъ спеціальнымъ цѣлямъ. Помѣстивъ въ немъ самыя слабыя, отрывочныя и не имѣющія самостоятельной цѣны про- изведенія великаго поэта и вмѣстѣ съ тѣмъ указавъ средства къ уразумѣнію ихъ важности, издатель, безъ причинъ, отъ него

независящихъ, не долженъ былъ исключать изъ этого изданія такихъ произведеній, которыя, не смотря на ихъ уклоненіе отъ прямого литературнаго пути, все-таки принадлежать величайшему художнику и изящнѣйшему уму. Если бы произведенія эти и не имѣли значенія въ искусствѣ, то все-таки они составляютъ прямое достояніе исторіи литературы, которая излагаетъ не одни только нормальныя явленія литературной дѣятельности, но все ея характеристическія явленія. Для нея важны: и глубокая оцѣнка эстетической стороны Исторіи Карамзина, сдѣланная Пушкинымъ, и его натянутые упреки Полевому за то, что тотъ рѣшился провозгласить Нибура первымъ историкомъ своего времени, упреки, обнаруживающіе, по-видимому, неопредѣленный взглядъ на значеніе этого Лютера науки исторіи...

Не безплодно также вникнуть въ постройку слѣдующихъ пьесокъ, дѣтскихъ сказокъ, которыя въ первый разъ являются въ печати. (Остальныя «полемическія» статьи, кромѣ «Альманашика», напечатаны и перепечатывались въ отрывкахъ и цитатахъ.)

Маленькій лжець.

Павлуша былъ опрятный, добрый, примѣрный мальчикъ, но имѣлъ большой порокъ: онъ не могъ сказать трехъ словъ, чтобы не солгать. Папенька въ его именины подарилъ ему лошадку. Павлуша увѣрялъ, что его лошадка принадлежала Карлу XII и была та самая, на которой онъ ускакалъ изъ Полтавскаго сраженія. Павлуша увѣрялъ, что въ домѣ его родителей находится поваренокъ—астрономъ, форейторъ—историкъ и что птичникъ—Прошка сочиняетъ стихи лучше Ломоносова. Сначала всѣ товарищи ему вѣрили, но скоро догадались и никто уже не хотѣлъ ему вѣрить даже и тогда, когда случалось ему сказать и правду.

Исправленный забіяка.

Ванюша, сынъ приходскаго дьячка, былъ ужасный шалунъ. Цѣлый день проводилъ онъ на улицѣ съ мальчишками, валяясь съ ними въ грязи и марая свое праздничное платье. Когда проходилъ мимо его порядочный человѣкъ, Ванюша показывалъ ему языкъ, бѣгалъ за нимъ и изо всѣхъ силъ ему кричалъ: «пьяница, уродъ, развратникъ, писака, безбожникъ»—и кидалъ въ него грязью. Однажды степенный человѣкъ, имъ замаранный, рассердился и поймалъ его за вихорь, больно побилъ его тросточкою. Ванюша въ слезахъ побѣжалъ жаловаться своему отцу. Старый дьячокъ сказалъ ему: «по дѣломъ тебѣ, негодяй, дай Богъ здоровья тому, кто не побрезгаетъ поучить тебя.» Ванюша сталъ очень печаленъ и почувствовавъ свою вину, исправился.

Въ первой изъ этихъ граціозныхъ пародій есть очевидное преувеличеніе карикатуры; но вторая проникнута тѣмъ простоду-

шіемъ, полнымъ неуловимаго юмора, которое нашло болѣе достойное примѣненіе въ «Лѣтописи села Горохина». Только неправдоподобная брань мальчика обнаруживаетъ сатирическую цель этой творческой шалости, напоминающей простодушный разсказъ горохинскаго лѣтописца, который сообщаетъ драгоценное извѣстіе о томъ, что бабы переходили рѣку въ бродъ, предварительно за-сучивъ нижнее платье до коленъ.

Обратимся теперь къ послѣднему отдѣлу, заключающему въ себя «статьи чисто-литературнаго содержанія».

«Въ этомъ отдѣлѣ, говоритъ издатель, мы предлагаемъ нынѣ разобранный нами и совокупленный въ одно цѣлое—планъ романа въ письмахъ, которымъ занялся Пушкинъ около 1830 г. Объемъ мы упоминали въ «Матеріалахъ для біографіи поэта», и прибавимъ къ сказанному тамъ, что, не смотря на бѣглый, поверхностный очеркъ, данный роману — въ немъ заключено нѣсколько чертъ, чисто автобіографическаго характера, которыя и дѣлаютъ его весьма важнымъ приобрѣтеніемъ для литературы. Намъ кажется, что мысль романа зародилась у Пушкина послѣ чтенія «Монастырки» Погорельскаго, которую онъ очень любилъ. Въ противоположность съ наивной героиней его хотѣлъ онъ изобразить умную, хотя и бѣдную компаньонку, надѣленную сердцемъ и страстями. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что съ 1830 года Пушкина постоянно занимала мысль изобразить свѣтское общество съ тѣми заключеніями и выводами, которое оно ему само внушало—и плодомъ этой мысли остаются, вмѣстѣ съ нашимъ отрывкомъ, и всѣ тѣ неоконченныя повѣсти и романы, которые находятся въ собраніи его сочиненій 1855 года, томъ V. За тѣмъ, кромѣ «Разговора вечеромъ, на раутѣ», принадлежащаго къ тому же направленію и конецъ котораго, выпущенный нами, заключаетъ тѣ же жалобы на невниманіе къ старымъ дворянскимъ родамъ, какіе проявляются въ пьесахъ: «Родословная моего Героя», мы помѣщаемъ въ болѣе полномъ видѣ два отрывка, уже данные прежде въ «Матеріалахъ для біографіи».

Въ этомъ же отдѣлѣ помѣщены «Драматическій этюдъ» (одна сцена) и статейка «Анекдотъ о Байронѣ».

Пользуясь вышеприведенными указаніями и замѣтками издателя-критика, мы войдемъ въ нѣкоторыя подробности.

То, что унесъ съ собой Пушкинъ въ преждевременную могилу, составляетъ не только потерю эстетическихъ наслажденій, но и драгоценныхъ уроковъ въ дѣлѣ искусства. Послѣ него многіе

доставляли намъ эти высокія наслажденія , но тѣ пробѣлы въ нашей литературѣ, которые онъ могъ пополнить, давъ образцы для изученія и подражанія, до сихъ поръ остаются не пополненными. Прямой пресникъ поэтическихъ идей Пушкина—Лермонтовъ, не успѣвъ выполнить своего назначенія, и былъ уже чуждъ его бодрыхъ, успокоительно-мудрыхъ воззрѣній на жизнь; а между тѣмъ литература приняла другое направленіе: другія явленія и типы привлекли ея вниманіе, и преимущественно отрицательные. Явилась сознательная и настоятельная потребность въ томъ, что было мечтою, отвлеченной теоріею, въ эпоху Пушкина. То, что было зарею въ его время и выражалось въ жизни и въ его произведеніяхъ, какъ мотивъ—разсвѣло и обратилось въ тему. Это новое, исключительно-отрицательное направленіе, сосредоточило на себя лучшія силы послѣдующихъ дѣятелей нашей литературы—и *свѣтское общество*, жизнь общественная по преимуществу, а вмѣстѣ съ тѣмъ *женщина* не пошли себя ни полнаго идеальнаго выраженія, ни вполне достойнаго представителя. Уже конечно къ нимъ никакъ нельзя отнести ни Марлинскаго съ его балами у посланниковъ и героями, сбрасывающими бархатные плащи при входѣ въ маскарадную залу, ни остроумныхъ очерковъ изъ жизни Большаго свѣта Графа Сологуба, ни велико-свѣтскихъ фантазмагорій Вонлярлярскаго.

Въ чемъ же заключается причина такого явленія: въ литературной ли дѣятельности и ея представителяхъ или въ той почвѣ, изъ которой она беретъ матеріалы—въ нашей жизни?

Рѣшеніе этого вопроса не есть дѣло праздное и бесплодное, при настоящемъ положеніи нашей поэзіи. Она, очевидно, затрудняется, по зависящимъ и независящимъ отъ нея причинамъ, въ матеріалахъ для своего содержанія. Отрицательная сторона нашей жизни, въ той мѣрѣ и въ тѣхъ сферахъ, какъ она доступна для изображенія, значительно исчерпана. Провинціальная жизнь, чиновническій міръ, крестьянскій бытъ, по возможности, разобраны по косточкамъ. Каждый шагъ впередъ на этомъ поприщѣ требуетъ величайшихъ усилій, необыкновеннаго таланта, или есть шагъ назадъ, т. е. повтореніе. Если обличительное направленіе, образовавшееся въ нашей литературѣ, и будетъ идти все выше и глубже, то и тогда оно не доставитъ большихъ пріобрѣтеній искусству. Оно только примѣняетъ то, что уже въ немъ сдѣлано, къ практической цѣли, а такое примѣненіе, при всей его поль-

зъ, 'не можетъ быть окончательною цѣлью искусства, его послѣднимъ словомъ, ибо, иначе Гомеръ, Шекспиръ, Байронъ, Шиллеръ, Пушкинъ и Гоголь творили бы только для того, чтобъ приготовить г-ну NN средства для литературнаго изобличенія квартальнаго надзирателя въ злоупотребленіяхъ.

И такъ, обращаясь къ вышеозначенному вопросу, мы скажемъ, что, по нашему мнѣнію, данныя для его разрѣшенія можно найти въ сравнительномъ разборѣ произведеній представителей нашей поэзіи въ ея положительныхъ и отрицательныхъ стремленіяхъ къ идеалу. Но нѣкоторыя данныя для этого можно найти и въ разсмотрѣніи тѣхъ произведеній Пушкина, которыя были, какъ говоритъ г. Анненковъ, *плодомъ его мысли изобразить свѣтское общество.*

Извѣстно, что Пушкинъ положилъ прочныя начала сближенія нашей поэзіи съ дѣйствительностію, которая послѣ него и не сходила съ перваго плана въ искусствѣ. Но онъ владелъ такъ же тайною находить въ этой дѣйствительности прекрасныя стороны. Могла ли же послѣ него наша жизнь и воззрѣніе на нее измѣниться до такой степени, чтобы для насъ сдѣлалась невозможными въ ней положительно-идеальныя черты? Разумается, нѣтъ: нужно только стараться и уметь ихъ находить. Не отвергая безусловно строгихъ требованій теории искусства, можно сказать, что красота поэтическихъ образовъ заключается не въ томъ, что они удовлетворяютъ вполне нашимъ эстетическимъ и нравственнымъ требованіямъ: такіе чисто-идеальные, вѣчно прекрасные образы слишкомъ рѣдки въ поэзіи каждой эпохи и нужно отойти отъ нея далеко, чтобы они ясно обозначились, какъ нужно быть на огромномъ разстояніи отъ горы, чтобы замѣтить ея очертаніе. Идея красоты и добра имѣетъ свою исторію, и при оцѣнкѣ ея выраженія въ произведеніяхъ искусства нужно принимать въ соображеніе время и мѣсто. По современнымъ понятіямъ и съ извѣстной точки зрѣнія, можно найти Татьяну Пушкина и его Онегина пустыми людьми, а Старосвѣтскихъ Помѣщиковъ, почти такими же варварами, какъ Тарасъ Бульба, но въ эти лица все-таки образы идеальные. Не вдаваясь далѣе въ эти теоретическія и общія соображенія, перейдемъ къ фактамъ, которые, надѣмся, пояснятъ нашу мысль, если она выражена не ясно или не точно.

Конечно, Пушкинъ видѣлъ отрицательныя стороны *свѣтской* жизни и *свѣтскихъ* людей. Но это не мѣшало ему сочувствовать ихъ изящной и прекрасной сторонѣ и отыскивать въ нихъ

прекрасныя черты. Пушкинъ чувствовалъ непреодолимое влеченіе къ обществу и въ особенности къ тому, которое называется *свѣтломъ*. Это влеченіе, столь естественное въ каждомъ нормально развитомъ чловѣкѣ, заслуживаетъ особеннаго вниманія въ поэтѣ, котораго дикая жизнь цыганскаго табора плывила до того, что онъ прожилъ въ немъ нѣкоторое время, и который первый воспѣлъ прелесть тихой сельской жизни. Жизнь въ *свѣтлѣ* не осталась для Пушкина безплодною: ей обязанъ онъ болѣе всего познаніемъ женщины. Въ произведеніяхъ его чувство любви и поклоненія красотѣ зачатѣльны такой реальностію ощущеній страсти, нѣги и тоски, которыя въ тысячу разъ живѣе и поэтичнѣе теоретическаго ей поклоненія, признаки котораго — холодность и натянутость, такъ ощутительны въ произведеніяхъ нашихъ современныхъ поэтовъ, не убѣгающихъ въ дебри Аполлона, а постоянно въ нихъ, по-видимому, пребывающихъ.

Пушкинъ и его эпоха не были чужды крайностей и предразсудковъ. Но и мы вовсе не такъ далеко ушли впередъ, чтобы отрѣшиться отъ нихъ вполне: они въ насъ есть и доказательствомъ тому служить то, что мы впадаемъ въ противоположную крайность, въ своего рода *ханжество*, вытекающее изъ претензіи на высшее развитіе, на отрѣшеніе отъ всякихъ предразсудковъ. Если Пушкинъ стыдился передъ глазами общества своего *ремесла*, какъ исключительности, и старался смѣшаться съ толпою, надъ которой господствовалъ въ своихъ произведеніяхъ, то мы до смерти боимся, чтобы насъ не смѣшали съ нею, чтобы не приняли за обыкновенныхъ смертныхъ, чтобы не подумали, что мы стыдимся своего призванія. Аристократизмъ ума и раболозное ему поклоненіе, въ которомъ Гоголь такъ справедливо обвинилъ наше время, выражаются у насъ въ своего рода предразсудкахъ и ложномъ стыдѣ.

Мы наслаждаемся тѣмъ, что даетъ *свѣтская* жизнь, мы наслаждаемся, наиримѣръ, тѣми поэтическими сторонами, которыя развиваются въ женщинѣ, подчиненной ея условіямъ, но мы какъ будто бы стыдимся сознаться въ этомъ и стараемся смотрѣть на эту жизнь, на свои къ ней отношенія и наслажденія ею съ высока и съ отрицательной точки зрѣнія. Слово *свѣтскій*, соединенное съ понятіемъ общежительности, сдѣлалось теперь синонимомъ *пошлости*, *пустоты*, *ничтожества*. Однимъ изъ условій высшаго развитія считается почти презрѣніе къ условіямъ *свѣтской* жизни. Въ изображеніи свѣта, да и вообще общества,

всѣ художественныя средства, которыми располагаетъ писатель, какъ будто мельчаютъ: юморъ часто становится только насмѣшливостію, *цианствомъ*; жизненный опытъ скептической недо-вѣрчивостію ко всему, что дѣлается на глазахъ общества; а вся драма, весь паеосъ—въ противорѣчій условій общественной жизни съ человѣческимъ достоинствомъ, которое приноситя имъ въ жертву. Какъ будто бы человекъ при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ и безъ чьей нибудь вины не можетъ страдать! Тѣ крайности *отрицательнаго направленія*, въ которыя впадаютъ нѣкоторые изъ современныхъ нашихъ писателей, происходятъ отчасти изъ тщеславнаго желанія казаться *умными* и *развитыми*. Этотъ своего рода аристократизмъ ума и образованія удовлетворяется на счетъ ближняго и общества. Въ господствующихъ нынѣ литературныхъ направленіяхъ и, особенно, въ направленіи *отрицательномъ* есть бездна аффектацій и своего рода *fatuité*. Вглядитесь въ положеніе, которое видимо или невидимо занимаетъ у насъ писатель въ обществѣ, изображая его. Это положеніе нравственно философскаго недотроги, педанта, Донкихота. Все его оскорбляетъ, все ему глупо, смѣшно, жалко, все ложь, обманъ, суета-суеть, а то, что возбуждаетъ его нравственно-философское сочувствіе, непременно жертва всѣхъ этихъ отрицательныхъ сторонъ общественной жизни. Вглядитесь въ фізіономію тѣхъ образовъ, которые многіе изъ современныхъ писателей дѣлаютъ представителями нашей свѣтской и общественной жизни, и увидите, что въ этой коллекціи чудаконъ, каррикатуръ, оловонъ, плутовонъ, негодяевонъ и жертвонъ, есть такая же натяжка, такое же антихудожественное преувеличеніе, какъ въ балахъ у испанскихъ посланниковонъ Марлинскаго и въ его герояхъ, сбрасывающихонъ бархатные плащи. Если ложное стремленіе къ изображенію идеальныхъ сторонъ свѣтской и общественной жизни привело пылкій и энергическій талантъ Марлинскаго къ изображенію чудовищныхъ образовъ, отъ которыхъ его современники приходили въ восторгъ, а мы, отрезвленные отрицательной *поэзіей Гоголя*, въ негодование, то и стремленіе къ изображенію отрицательныхъ сторонъ общества, доведенное до послѣдней крайности, должно произвести подобное же явленіе.

Обратимъ вниманіе на слѣдующій фактъ. Графъ Сологубъ сочинилъ хорошенькую пьеску «Чиновникъ», гдѣ вывелъ на сцену графиню и еще нѣсколько свѣтскихъ людей. Г. Павловъ, по этому поводу, написалъ прекрасную критическую статью, гдѣ

разрѣшая нѣсколько важныхъ вопросовъ, доказываетъ, что выведенная авторомъ графиня совершенно невѣрна современной дѣйствительности. Съ удивительнымъ знаніемъ жизни и проникательностью глубоко-образованнаго наблюдателя, рисуетъ онъ другой планъ графини, вполне согласный съ современными понятіями. Но есть ли хоть одна идеальная, симпатичная черта въ этой мастерской программѣ свѣтской женщины? Дѣйствительная и современная графиня, составленная критикомъ по рецепту отрицательнаго направленія, возбуждаетъ столько же сочувствія, сколько Собакевичъ, и гораздо мене той вѣдьмы, которая была причиной преждевременной смерти Хомы Брута. Слѣдуетъ ли заключить, что въ нашей свѣтской женщинѣ нѣтъ ничего симпатичнаго, ничего положительно-прекраснаго изъ того, что графъ Сологубъ, знающій свѣтскую жизнь очень хорошо, и г. Павловъ, которому она такъ же прекрасно извѣстна, и который при томъ такъ наблюдателенъ и уменъ, не нашли въ ней ничего подобнаго? Слѣдуетъ ли это заключить изъ того, что Гоголь такъ же не нашелъ идеала русской женщины и что его Улынька—*этотъ образецъ совершенства*, великолѣпная кукла? Если слѣдуетъ, то какъ же объяснить такое странное явленіе: идеальныя черты есть въ какой нибудь деревенской нянь, въ Пульхеріи Ивановнѣ, въ Хорѣ и Колиничѣ, а ихъ нѣтъ въ нашей свѣтской женщинѣ и въ русской женщинѣ вообще!.. Не объясняется ли это, напротивъ, отсутствіемъ идеала въ авторѣ. Вѣдь идеаль челоуѣка въ немъ самомъ и тѣ идеалы, которые онъ находитъ, въ дѣйствительности суть только явленія, соответствующія его внутреннему идеалу.

Пушкинъ видѣлъ отрицательныя стороны нашей жизни: онъ нашелъ въ его произведеніяхъ вѣрный и краснорѣчивый отголосокъ, но онъ и находилъ въ ней также положительно идеальныя явленія, потому что явленія эти соответствовали идеальнымъ настроеніямъ его души. Гоголь нашелъ мало такихъ явленій въ нашей жизни: они противорѣчили его идеаламъ и это противорѣчіе выразилось у него рядомъ отрицательныхъ образовъ. И тотъ и другой были искренны и самостоятельны въ своихъ стремленіяхъ, и тотъ, и другой дѣйствовали съ «простодушіемъ гениевъ». Ни Пушкинъ, ни Гоголь (до извѣстной поры) не рисовались передъ современниками, не фарисействовали, не потворствовали общественному мнѣнію. Одинъ созидаль, другой разрушалъ, уступая потребности поэтическаго творчества, каждый сообразно тому, что ему было дано. Пушкинъ не боялся быть ниже своего времени, со-

чувствуя, поклоняясь и благоговѣя передъ явленіями окружавшей его жизни: онъ былъ высокъ въ этомъ поклоненіи, какъ жрецъ, склоняющійся съ искреннимъ благоговѣніемъ передъ своимъ нутуканомъ. Гоголь не думалъ быть выше, раскрывая наши общественныя и духовныя язвы, какъ не думаетъ врачъ быть выше больного, вонзая въ него спасительный ножъ. Пушкинъ и умеръ не испытать этого опасенія, потому что онъ до последней минуты былъ искренъ и естественъ въ своихъ стремленіяхъ. Гоголь пережилъ свою цвѣтущую эпоху—эпоху простодушнаго, свободнаго творчества: онъ почувствовалъ, что время ушло впередъ, хотѣлъ догнать опередившее его развитіемъ поколѣніе, хотѣлъ стать выше его—учить, пересоздавать, *созидать* и съ этой минуты, не смотря на всю нравственную высоту такихъ стремленій, уже не творилъ, а сочинялъ. Ибо зародышъ творчества заключается не въ желаніи создать, что нужно для даннаго времени или мѣста, а въ потребности создавать. Подобное желаніе можетъ быть только побужденіемъ, а не источникомъ творчества. Отъ того произведенія людей, одаренныхъ великимъ геніемъ, такъ часто не признаются ихъ современниками, которыми они кажутся вовсе не нужными и которымъ они дѣйствительно бываютъ не нужны. Если бы спросить Шекспира и Гёте, за чѣмъ одинъ создалъ Гамлета, а другой Фауста, то, конечно, они не указали бы какой нибудь практической или современной цѣли. Нельзя не вспомнить при этомъ того математика, который, прослушавъ Федру, спросилъ: что же это доказываетъ? Почтенный ученый не сдѣлалъ бы этого вопроса, прочтя многія изъ современныхъ намъ поэтическихъ произведеній. Но что же доказываютъ эти произведенія въ искусствѣ?

Несостоятельность въ дѣлѣ искусства всякаго *сознаннаго* уже направленія, каково у насъ направленіе отрицательное съ разными его видоизмѣненіями, заключается именно въ томъ, что оно, насилуя таланты, выводитъ ихъ изъ условій свободнаго творчества, что оно заставляетъ ихъ видѣть, думать и изображать то, что признается хорошимъ или нужнымъ по установившимся понятіямъ. Прямое и непосредственное примѣненіе искусства къ практической цѣли не подвигаетъ его ни на волосъ впередъ: оно приготавливаетъ только для него будущихъ дѣятелей и цѣнителей. Искусство успѣваетъ не отъ того, что по художественнымъ образцамъ приготавливаются красивыя галантерейныя вещи и изящная мебель: оно выигрываетъ отъ этого только тогда,

когда означенные предметы, обращаясь въ употребленіи, зарождаютъ въ массѣ, не приготовленной къ пониманію произведеній чистаго искусства, смена будущаго эстетическаго развитія. Воздадимъ же должную благодарность каждому полезному дѣятелю въ дѣлѣ нравственнаго, умственнаго и эстетическаго развитія, но не будемъ смѣшивать дѣятелей только полезныхъ съ истинными художниками и поэтами и ихъ произведеній, облеченныхъ только въ поэтическія формы, съ произведеніями чистаго искусства, для котораго они имѣютъ значеніе не болѣе красивыхъ или полезныхъ вещей. Поэзія не исправительное заведеніе, не больница, не богодѣльня, не синагога! Одно только служеніе добру, пользѣ, человечеству не дасть права на мѣсто въ ея области, гдѣ какая нибудь бонапартійская пьсенка Беранже стоитъ выше философіи Вольтера, и имя Петрарки выше имени Ньютона, не говоря уже объ именахъ гг. З... или Ш..., или К..., которые, по-видимому, такъ хлопочутъ о пользѣ общей. Никогда писатель не создастъ ничего истинно великаго или прекраснаго въ искусствѣ, если его побуждаетъ одна только потребность быть полезнымъ и современнымъ... Къ сожалѣнію, творчество заключается не въ этой прекрасной потребности. Пушкинъ, по свидѣтельству г. Анненкова, кончалъ своего «Бориса Годунова» съ увѣренностію, что публика не оцѣнитъ его и приметъ холодно. Онъ хотѣлъ создать народную драму въ то время, когда въ ней не было потребности. Этой потребности нѣтъ еще и теперь: доказательствомъ этому служитъ то, что геніальныя сцены «Бориса Годунова», по прекрасному выраженію издателя — критика, до-сихъ-поръ стоятъ въ уединенномъ величіи въ русской литературѣ.

Теперь посмотримъ, какъ создавалъ Пушкинъ свои идеальныя образы, какъ находилъ онъ положительно-идеальныя черты въ тѣхъ явленіяхъ и сферахъ нашей жизни, которыя послѣ него возбуждаютъ исключительно чувство отрицанія.

Въ произведеніяхъ Пушкина всюду разсыяны черты его собственной идеальной личности: его зиждущаго, а не разрушающаго ума, его гармонически-развитой души, чуждой болѣзненныхъ потрясеній, его неистощимой вѣры въ успѣхъ, въ благо, въ красоту жизни. Чувство сомнѣнія, отрицанія, нравственнаго гнѣва и вражды не преграждали теченія его творческой мысли къ осуществленію въ искусствѣ положительныхъ идеаловъ; они иногда только возмущали это, столь могущественное въ своемъ

спокойствіи, теченіе, и являютя въ его произведеніяхъ, какъ тѣнь, какъ унылый мотивъ, стройно сливаясь съ ихъ общимъ, свѣтлымъ и оживляющимъ тономъ. Пушкинъ не нанесъ намъ ни одной раны, которую бы самъ не изцѣдилъ, не вынулъ ни одного камня изъ зданія нашей жизни, не указавъ другаго, которымъ можно было бы его замѣнить. Какъ въ приведенномъ нами стихотвореніи (кладбище), такъ и во всѣхъ его произведеніяхъ, *отрицаніе* является у него только, какъ противоположность идеалу, для полноты его выраженія, какъ тѣнь, для свѣта — въ картинахъ. (Можно допустить отрицаніе, тѣнь играть первостепенную роль въ произведеніи искусства; но одно отрицаніе, одна тѣнь, одно безобразіе и мракъ, это — неполнота, односторонность, несовершенство.) Пушкинъ былъ чуждъ всякой односторонности, всякаго исключительнаго воззрѣнія на жизнь, всѣ явленія которой, доступныя для него, были ему равно близки. Онъ пѣвецъ жизни со всеми ея сторонами: положительными и отрицательными, съ ея перлами и грязью, съ ея нравственными и матеріальными стремленіями, съ ея явленіями національными и общечеловѣческими. До сихъ поръ онъ нашъ Беранже и вмѣстѣ съ тѣмъ Шиллеръ. Вмѣстѣ съ стукомъ шампанскихъ пробокъ (за которыя на него такъ нападали) и мотивами русскихъ пѣсенъ, въ его поэзіи слышатся торжественные звуки гимновъ челоуѣческой любви и народной славы... Но Пушкинъ не держался буквы дѣйствительности, не былъ привязанъ къ ея грязному хвосту, какъ это случилось со многими изъ послѣдующихъ писателей, образовавшихъ натуральную школу и вызвавшихъ столько грубыхъ и глупыхъ, но не лишенныхъ истины упрековъ. Онъ щедрою рукою надѣлялъ свои образы и своихъ героевъ чертами своей собственной, далеко возвысившейся надъ общимъ уровнемъ личности, частицами своего ума и души, не боясь быть невѣрнымъ дѣйствительности и впасть въ идеализацію. Онъ не боялся, скажемъ мы теперь (обращаясь къ вышепоставленному вопросу объ изображеніи свѣтской жизни и женщины), вложить въ уста господина, дремлющаго въ *гамбсовомъ* креслѣ, на дачѣ у княгини Д., свою собственную глубокую мысль о простодушіи геніевъ; онъ не считалъ за нарушеніе истины обнаружить въ одномъ изъ присутствовавшихъ въ салонѣ знакомства съ Тацитомъ, а другому приписать свою собственную мысль о *еипетскихъ* *ночахъ*, точно также какъ не боялся онъ сдѣлать Евгенія Онѣгина идеальнымъ и невѣрнымъ дѣйствительности, удѣливъ

ему лучшую долю своей изящной и тонкой природы и смѣшавъ его личность съ своею до такой степени, что лицо дѣйствующаго героя какъ бы сливается съ лицомъ самаго поэта.

Приведемъ здѣсь дополненіе къ отрывку изъ повѣсти, помѣщенному въ «Матеріалахъ для біографіи поэта», на который сдѣлали выше ссылки. Наша мысль тогда станетъ яснѣе:

«Мы проводили вечеръ на дачѣ у княгини Д*.

Разговоръ какъ-то коснулся до *m-me Stael*. Баронъ Д* на дурномъ французскомъ языкѣ очень дурно разсказалъ извѣстный анекдотъ—вопросъ ея Бонапарту: «кого почитаетъ онъ первою женщиною въ свѣтѣ» и забавный его отвѣтъ: «ту, которая народила болѣе дѣтей — *celle qui a fait le plus d'enfants*».

Какая славная эпиграмма! замѣтилъ одинъ изъ гостей.

— И по дѣламъ ей, сказала одна дама. Какъ можно такъ неловко напрашиваться на комплименты.

— А мнѣ такъ кажется, сказалъ Сорохтинъ, дремавшій въ гамсовыхъ креслахъ, мнѣ такъ кажется, что ни *m-me de Stael* не думала о мадригалѣ, ни Наполеонъ объ эпиграммѣ. Одна сдѣлала вопросъ изъ одинаго любопытства, очень понятнаго, а Наполеонъ буквально выразилъ настоящее свое мнѣніе. Но вы не вѣрите простодушію геніевъ.

Гости начали спорить, а Сорохтинъ задремалъ опять.

— Однако въ самомъ дѣлѣ, сказала хозяйка: кого почитаете вы первой женщиной въ свѣтѣ?

— Берегитесь: вы напрашиваетесь на комплиментъ.

— Нѣтъ, шутки въ сторону.

Тутъ пошли толки: иные называли *m-me de Stael*, другіе Орлеанскую дѣву, третьи Елисавету, англійскую королеву, *m-me de Maintenon*, *m-me Roland* и проч.

Молодой человѣкъ, стоявшій у камина (потому что въ Петербургѣ каминъ никогда не лишнее) въ первый разъ вмѣшался въ разговоръ.

— Для меня, сказалъ онъ: женщина самая удивительная—Клеопатра.

— Клеопатра, сказали гости—да конечно!... однако почему же?

— Есть черта въ ея жизни, которая такъ врѣзалась въ мое воображеніе, что не могу взглянуть почти ни на одну женщину, чтобъ тотчасъ не подумать о Клеопатрѣ.

— Чтожь это за черта?

— Не могу; мудро разсказать.

— А что? развѣ неблагопрістойно.

— Да, какъ почти все, что живо рисуетъ ужасные нравы древности.

— Ахъ, разскажите, разскажите.

— Ахъ, нѣтъ—не разсказывайте, прѣрвала Вольская, вдова по разводу, опустивъ чопорно огненные свои глаза.

— Полноте, вскричала хозяйка съ нетерпѣніемъ. *Qui est-ce donc que l'on trompe ici*. Вчера мы смотрѣли *Antony*, а вонъ тамъ у меня на каминѣ вѣляется *la Physiologie du mariage*. Нашли чѣмъ насъ пугать... Перестаньте насъ пугать... Перестаньте насъ морочить, Алексѣй Ивановичъ! Вы не жур-

надесть... Расскажите, что знаете про Клеопатру, однако будьте благопристойны, если можно...

Вся разсмѣялись.—Ей Богу, сказалъ молодой человекъ, я робѣю, я сталъ стыдливъ, какъ... Ну такъ и быть. Надо знать, что въ числѣ латинскихъ историковъ есть нѣкто Аврелій Викторъ, о которомъ, вѣроятно, вы никогда не слыживали.

— *Aurelius Victor*? прервалъ Вершневъ, который учился нѣкогда у Езуитовъ. Аврелій Викторъ — писатель IV столѣтія... Сочиненія его приписываются Корнедію Непоту и даже Светонію... Онъ написалъ книгу: *de Viris illustri*—о знаменитыхъ мужахъ Рима. Знаю!

— Точно такъ, продолжалъ Алексѣй Ивановичъ, книжонка его довольно ничтожна, но въ ней находится то сказаніе о Клеопатрѣ, которое такъ меня поразило... и, что замѣчательно! въ этомъ мѣстѣ сухой и скучный Аврелій Викторъ силою выраженія равняется Тациту: «*Haec tantae libidinis fuit, ut saepe prostituerit; tantae pulchritudinis, ut multi postea illius morte emerint*».

— Прекрасно, воскликнулъ Вершневъ; это напоминаетъ мнѣ Саллюстія—помните? *Tantae*...

— Что же это, господа? сказала хозяйка, ужъ вы изволите разговаривать по латыни! Какъ это весело! Скажите, что значить ваша латинская фраза?

— Дѣло въ томъ, что Клеопатра торговала своей красотой и что многіе купили ея ночи цѣною своей жизни.

— Какой ужасъ! сказали дамы:—что же вы нашли тутъ удивительнаго?

— Какъ что? Кажется мнѣ, Клеопатра была не пошлая кокетка... кажется одной Клеопатрѣ вошло въ голову оцѣнить себя такой цѣною... Я предлагалъ Пушкину сдѣлать изъ этого поэмю: онъ было и началъ, да бросилъ.

— И хорошо сдѣлалъ, замѣтила одна дама. Чтожъ хотѣлъ онъ извлечь изъ этого? Какая тутъ главная идея? не помните ли?

— Онъ начинаетъ описаніемъ праздника въ садахъ египетской царицы. Клеопатра угощаетъ поклонниковъ своихъ... гремитъ музыка... Евнухи разносятъ вины... народъ тѣснится на порфиновыхъ ступеняхъ... и вдругъ она надъ чашей золотой задумалась. Поникла дивною главою... пиръ утихъ... и дремлетъ...»

Г. Анненковъ въ «Матеріалахъ для біографіи» объясняетъ происхожденіе этого отрывка: онъ назначался къ тому, чтобы служить рамкой для поэтической мысли Пушкина о *Египетскихъ ночахъ*. Но какая отдѣлка въ этой рамкѣ и какъ въ ся легкихъ п неоконченныхъ арабескахъ чувствуется правоописательный характеръ. Это тѣ нравы, та сфера нашей жизни и тѣ ея формы, которыя плѣнили Марлинскаго, Вережкина и другихъ его послѣдователей до Волыарярскаго включительно. Но ихъ прельщали исключительно п даже одинъ только формы, для которыхъ они придумывали или прискивали содержаніе, вовсе имъ не свойственнос. То зерно истины и прекраснаго, которое у Пуш-

кина должно было развиться въ стройное растеніе и пустить корни въ нашей литературѣ, было отброшено съ презрѣніемъ послѣдующими писателями, какъ зародышъ однихъ только предразсудковъ и устарѣлыхъ понятій, а у другихъ разрослось дико и утратило свой истинный характеръ. Довольно того, что то общество, языку котораго Пушкинъ, безъ всякаго сомнѣнія, былъ обязанъ окончательнымъ отрѣшеніемъ отъ книжныхъ формъ и неслыханной дотолъ простотой и смѣлостью выраженій, у Марлинскаго и его ближайшихъ послѣдователей, — заговорило какимъ-то кудрявымъ и напыщеннымъ слогомъ, несвойственнымъ даже семинаристу, не только свѣтскому челоуку.

«Отрывокъ изъ романа въ письмахъ» представляетъ, съ настоящей точки зрѣнія, также предметъ для любопытныхъ изслѣдованій. Не забудьте, что это *планъ* романа, а не оконченное произведеніе, и что въ немъ заключаются только матеріалы, данныя для поэтическихъ образовъ и характеровъ. Но и они показываютъ, изъ какихъ разнородныхъ элементовъ слагались у Пушкина типы и очерки того общества, которое потомъ выражалось у насъ вѣчно въ одномъ и томъ же типѣ эгоизма, предразсудковъ и пустоты. Мы видимъ, что Пушкинъ и сюда вносилъ все богатство своего ума и души, вмѣсто того, чтобы отыскивать и изображать только черты, противорѣчившія внутреннему идеалу. Словомъ, онъ и здѣсь стремился къ осуществленію положительныхъ, а не отрицательныхъ идеаловъ и находилъ ихъ источникъ въ самомъ себѣ.

Вотъ письмо Лизы, бѣдной дѣвушки, жившей въ домѣ князя К*, къ своей свѣтской подругѣ, названной Пушкинымъ Сашей:

«Письмо твое меня чрезвычайно утѣшило: оно такъ живо напомнило мнѣ Петербургъ. Мнѣ казалось, я тебя слышу. Какъ смѣшны твои вѣчныя предположенія! Ты подозрѣваешь во мнѣ какія-то глубокія, тайныя чувства, какую-то несчастную любовь, — не правда ли? Успокойся, милая. Я похожа на героиню только тѣмъ, что живу въ глухой деревнѣ и разливаю чай, какъ Кларисса Гарловъ.

«Ты говоришь, что тебѣ некому будетъ нынѣшней зимою передавать своихъ сатирическихъ наблюденій. А на чтожь переписка? Пиши ко мнѣ все, что замѣтишь; повторяю тебѣ, что я вовсе не отказалась отъ свѣта, что все касающееся до него для меня занимательно. Въ доказательство того, прошу тебя написать кому отсутствіе мое такъ замѣтно? Алексію П*? Я увѣрена, что угадала. Уши мои были всегда къ его услугамъ, а ему только и надобно.

Я познакомилась здѣсь съ семействомъ ***. Отецъ хлѣбосоль, мать толстая, веселая баба, большая охотница до виста, дочка Маша стройная,

меланхолическая дѣвушка лѣтъ семнадцати, воспитанная на романахъ и на чистомъ воздухѣ. Она цѣлый день въ полѣ съ книгой въ рукахъ, окружена дворными собаками, говорить о погодѣ на распѣвъ и съ чувствомъ, подчуеетъ варенье: У нея наша я цѣлый шкафъ, наполненный старыми романами. Я намѣрена все это прочесть и начала Ричардсономъ. Надобно жить въ деревнѣ, чтобъ имѣть возможность прочитать хваленую Клариссу. Я благословясь, начала съ предисловія переводчика и увидя въ немъ увѣреніе, что хотя первыя шесть частей скучненьки, за то послѣднія шесть въ полной мѣрѣ вознаграждать терпѣніе читателя, храбро принялась за дѣло. Читаю томъ, другой, третій—скучно, мочи нѣтъ, наконецъ добилась до шестаго. Ну, думаю я, теперь буду я награждена за трудъ. Что же? Читаю смерть Клариссы, смерть Ловеласа и конецъ. Я и не замѣтила перехода отъ скучныхъ къ нескучнымъ.

Чтеніе Ричардсона дало мнѣ поводъ къ размышленіямъ. Какая ужасная разница между идеалами бабушекъ и внучекъ! Что есть общаго между Ловласомъ и Адольфомъ*? Между тѣмъ роль женщинъ не измѣняется. Кларисса, за исключеніемъ церемонныхъ присѣданій, все жъ походить на героиню новѣйшихъ романовъ, потому-ли, что способы нравиться въ мужчинѣ зависятъ отъ моды, отъ минутнаго вліянія, а въ женщинахъ они основаны на чувствѣ и природѣ, которыя вѣчны.

Ты видишь: я съ тобою болтлива по обыкновенному. Не будь же и ты скупа на заочные разговоры. Пишико мнѣ какъ можно чаще и какъ можно болѣе — ты не можешь вообразить, что значить ожиданіе почтового дня въ деревнѣ. Ожиданіе бала не можетъ съ нимъ сравняться.»

Нетрудно замѣтить, что письмо это болѣе принадлежитъ Пушкину, нежели молодой дѣвушкѣ. Пушкинъ вноситъ въ сознаніе героини романа результаты своихъ собственныхъ наблюденій, и заставляетъ ее мыслить и чувствовать съ крайней утонченностію. Но если этотъ образъ, при настоящихъ его чертахъ, не совсѣмъ еще вѣренъ дѣйствительности, то онъ уже приближается къ ней: мысль и чувство самого поэта принимаетъ уже нѣжный, женственный оттѣнокъ. Нижеслѣдующее письмо той же Лизы еще яснѣе обнаруживаетъ настоящую методу Пушкина:

«Нѣтъ, милая моя сваха, я не думаю оставить деревню и пріѣхать къ вамъ на свадьбу. Откровенно признаюсь, что Владиміръ Z мнѣ нравился, но никогда я не предполагала вытти за него. Онъ аристократъ, а я смиренная мѣщанка. Спѣшу объясниться и съ гордостію замѣтить, какъ истинная героиня романа, что родомъ принадлежу я къ старинному Русскому дворянству, а что мой рыцарь внукъ бородатаго милліонщика. Какъ бы то ни было, Z человекъ свѣтскій, я могла ему повравиться, но онъ для меня не пожертвуетъ ни богатой невѣстой, ни выгоднымъ родствомъ. Если когда нибудь и выду замужъ, то выберу здѣсь какого нибудь сорокалѣтняго помѣщика: онъ станетъ заниматься сахарнымъ заводомъ своимъ,

* Героємъ извѣстнаго романа Бенжемена-Констана.

а я буду счастлива, не танцуя на балѣ у К. К. и не имѣя у себя субботу на Англійской набережной.

У насъ зима. Въ деревнѣ *c'est un événement*. Это вовсе перемѣняетъ образъ жизни. Уединенныя прогулки прекращаются, раздаются колокольчики, охотники выѣзжаютъ съ собаками, все дѣлается свѣтлѣе, веселѣе отъ перваго снѣга. Я никакъ этого не ожидала. Зима въ деревнѣ пугала меня. Но все на свѣтѣ имѣетъ свою хорошую сторону.

Я короче познакомилась съ Машенькой *** и полюбила ее. У ней много хорошаго и оригинальнаго. Недавно узнала я, что Владиміръ Z' близкій родня Маши. Она не видала его семь лѣтъ, но отъ него въ восхищеніи. Онъ провелъ у нихъ одно лѣто и Маша безпрестанно рассказываетъ всѣ подробности тогдашней его жизни. Читая ея романы, я нахожу на поляхъ его замѣчанія, блѣдно писанныя карандашемъ: видно, что онъ былъ тогда ребенкомъ. Его поражали мысли и чувства, надъ которыми, конечно, сталъ бы онъ теперь смѣяться; по-крайней-мѣрѣ видна душа свѣжая, чувствительная. Я читаю очень много. Ты не можешь вообразить, какъ странно въ 1825 году читать романъ, писанный въ 775. Кажется, будто вдругъ изъ своей гостиной входишь въ старинную залу, обитую штофомъ, сядишь въ атласныя пуховыя кресла, видишь около себя странныя, однакожъ знакомыя платья и лица и узнаешь своихъ дядюшекъ и бабушекъ, но помолодѣвшими. Большею частію эти романы не имѣютъ другаго достоинства: происшествіе занимательно, положеніе хорошо запутано, но Белькуръ говоритъ косо, но Шарлотта отвѣчаетъ криво. Умный человѣкъ могъ бы взять здѣсь готовый планъ, готовые характеры, исправить слогъ и бессмыслицы, дополнить недомолвки и вышелъ бы прекрасный оригинальный романъ. Скажи это отъ меня моему неблагодарному Алексю П'. Полно ему тратить умъ на разговоры съ Англичанками! Пусть онъ по старой канвѣ вышьетъ новые узоры и представитъ намъ въ маленькой рамѣ картину свѣта и людей, которыхъ онъ такъ хорошо знаетъ.

Маша хорошо знаетъ русскую литературу. Вообще здѣсь болѣе занимаются словесностію, чѣмъ въ Петербургѣ. Здѣсь получаютъ журналы, принимаютъ участіе въ ихъ перебранкахъ, попеременно вѣрятъ обѣимъ сторонамъ и сердятся за любимаго писателя, если онъ раскритикованъ. Теперь я понимаю, почему Вяз. и Пушкинъ такъ любятъ уѣздныхъ барышень: онѣ ихъ истинная публика. Я тоже заглянула въ журналы... Смѣшно видѣть, какъ тамъ важно упрекаютъ въ безравенности и неблагопристойности сочиненія, которыя прочли мы всѣ, петербургскія недотроги.»

Намъ даже кажется, что въ тонкой характеристикѣ французскихъ романовъ второй половины прошедшаго столѣтія, которую дѣлаетъ Пушкинъ перомъ молодой дѣвушки, заключается зародышъ сего настоящаго романа. По-крайней-мѣрѣ въ пѣсняхъ его героя есть что-то родственное съ известными романами де-Лажло, на которыхъ онъ, безъ всякаго сомнѣнія, былъ воспитанъ. Вотъ одно изъ писемъ этого русскаго виконта:

«Выговоры твои совершенно несправедливы. Не я, а ты отсталъ отъ сво-

его вѣка и цѣлымъ десятилѣтїемъ. Твои умозрительныя и важныя разсужденія принадлежать къ 1818 году. Въ то время строгость правилъ и политическая экономія были въ модѣ. Мы являлись на балы, не снимая шпагъ. намъ не прилично было танцовать и некогда заниматься дамами. Честъ имѣю довести тебѣ, что это все перемѣнилось. Французская кадрили замѣнила Адама Смита. Всякій волочится и веселится какъ умѣетъ. Я слы-
 дую духу времени, но ты не подвиженъ, ты *si-devant un homme* стереотипъ. Охота тебѣ *сиднемъ* сидѣть одному на оппозиціонной скамѣчкѣ и глазѣть по сторонамъ. Надѣюсь, что X обратитъ тебя на истинный путь: поручаю тебя ея Ватиканскому кокетству.

Что касается до меня, я совершенно предался патріархальной жизни, ложусь спать въ 10 часовъ, ѣзжу на порошу съ здѣшними помѣщиками, играю съ старухами въ бостонъ по копѣчкѣ и сержусь, когда проигрываю. Съ Лизой вижуся каждый день и часъ отъ часу болѣе въ нее влюбляюсь. Въ ней много увлекательнаго. Эта тихая, благородная стройность въ обращеніи главная прелесть высшаго Петербургскаго общества и вмѣстѣ съ тѣмъ, что-то живое, спсходительное, добродушное. Въ ся сужденіячъ нѣтъ ничего рѣзкаго, жесткаго. Она не морщится передъ впечатлѣніями, какъ ребенокъ передъ принятїемъ ревеню. Она слушаетъ и понимаетъ васъ. Рѣдкое достоинство въ нашихъ женщинахъ. Часто удивляли меня дамы, впрочемъ очень милыя, тупостью ихъ понятія и нечистотой пчъ воображенія. Часто самое тонкое поэтическое привѣтствіе ояѣ принимаютъ или за нахальную эпиграмму, или за неблагопристойную плоскость. Въ такомъ случаѣ холодный видъ, ими принимаемый, такъ убійственно отвратителенъ, что самая пылкая любовь противъ него не устоитъ. Это испыталъ я съ Еленой ***, въ которую былъ влюбленъ безъ памяти: я сказалъ ей какую-то нѣжность, она приняла ее за грубость и пожаловалась на меня своей прїятельницѣ.

Кромѣ Лизы есть у меня для развлеченія одна милая дѣвушка, моя родственница. Эта дѣвушка, выросшая подъ яблонями, воспитанная между скирдами, природой и нянюшками, гораздо милѣе нашихъ однообразныхъ красавицъ, которыя до свадьбы придерживаются мнѣнія маменокъ, а послѣ свадьбы мнѣнія мужьяевъ. Прощай, мой милый. Что новаго въ свѣтѣ!»

Мы не считаемъ приведенныхъ отрывковъ образцамъ совершенства, но изъ нихъ и выписанныхъ соображеній нашихъ, кажется, можно вывести заключеніе, что причина отсутствія положительно-идеальныхъ образовъ въ литературныхъ произведеніяхъ данной эпохи заключается не въ дѣйствительности, которую они изображаютъ, а въ тѣхъ, кто ся изображаетъ; что нѣтъ такой сферы жизни, которая не заключала бы въ себя прекрасныхъ явленій и что воспроизведеніе однихъ только отрицательныхъ сторонъ общества, есть односторонность, которая не оправдывается, а только объясняется преобладаніемъ известнаго направленія. Основаніе этого направленія лежитъ не въ са-

момъ искусствѣ, условія и стремленія котораго постоянны, а въ господствующихъ въ данное время убъжденіяхъ и потребностяхъ, которымъ приносятся въ жертву эти постоянныя условія и стремленія. Успѣхъ нѣкоторыхъ современныхъ произведеній отрицательнаго направленія объясняется только настоятельною потребностію въ нравственномъ и общественномъ усовершенствованіи и не даетъ имъ права на названіе произведеній искусства. Удовлетворивъ въ известной мѣрѣ этой настоятельной и торопливой потребности, вызванной временными и мѣстными обстоятельствами, общество съ отвращеніемъ отвернется отъ тѣхъ грубыхъ и безобразныхъ отрицательныхъ образовъ, въ созданіи которыхъ поэтическое творчество или вовсе не участвуетъ, или принимаетъ такое слабое участіе. Есть минуты, когда общество, какъ чловѣкъ, находитъ удовольствіе въ самоуничиженіи. Это минуты нравственнаго кризиса. Кризисъ пройдетъ, и тогда то, что было необходимо во время его, сдѣлается совершенно не нужно. Общество снова почувствуетъ потребность въ созерцаніи всѣхъ сторонъ своей жизни, всей полноты ея явленій и съ наслажденіемъ остановится на тѣхъ произведеніяхъ искусства, которыя удовлетворяютъ въ немъ чувству самодостоинства. Мы больны, замѣчаемъ это и бросаема на лекарства, въ которыхъ, благодаря усердію нашихъ литературныхъ эскулаповъ, нѣтъ у насъ недостатка. Мудрено ли же, что въ такомъ состояніи мы равнодушны къ произведеніямъ, заключающимъ въ себѣ здоровую пищу и для наслажденія которыми необходимо нормальное состояніе духа. Мудрено ли, что отсутствіе въ этихъ произведеніяхъ безобразныхъ образовъ, полезныхъ, но отвратительныхъ, какъ микстура, принимается многими за недостатокъ и что при оцѣнкѣ произведеній литературныхъ дѣятелей даже прошедшей эпохи, чуждой настоящихъ потребностей, дѣлаются имъ упреки въ томъ, что они не удовлетворяютъ этимъ потребностямъ. Поэзія самого Пушкина должна казаться отсталою нашимъ доктринарамъ, предпочитающимъ ея всесторонней полнотѣ, удовлетворявшей всѣмъ требованіямъ его эпохи и постояннымъ условіямъ искусства, односторонность многихъ произведеній текущей литературы, отвѣчающую исключительнымъ требованіямъ настоящаго времени.

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ
ЧТЕНІЯ,

ЖУРНАЛЪ СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, КРИТИКИ, НОВОСТЕЙ и МОДЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. В. ДРУЖИНИНА.

Ohne Hast, ohne Rast.
Goethe.

ДВАДЦАТЬ-ПЯТЫЙ ГОДЪ.

ЯНВАРЬ.

ТОМЪ СТО-СОРОКЪ-СЕДЬМОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ШТАБА ОТДѢЛНАГО КОРПУСА ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ.

1858.